

А вы оптимист или пессимист?

Что означает латинское слово «пессимизм»? Pessimus – «наихудший»; мироощущение, проникнутое унынием, безнадежностью, неверием в лучшее будущее, склонность во всем видеть только плохое. Но в народе понятие «пессимизм» или «пессимист» ошибочно относят скорее к каждому, кто на самом деле пытается быть реалистичен в своих оценках и выводах окружающих нас вещей.

Некоторые называют А.Чехова пессимистом, потому что в своих описаниях человеческой природы, особенно в свои последние годы, он раскрывает ее самые неприглядные стороны. Хотя, на мой взгляд, его сатира очень тонка, интеллигентна и не задевает человеческое достоинство у любого, способного посмотреть на себя самокритически.

И если Чехов пессимистичен, что говорить о других? Например, о Д. Свифте, одном из величайших пессимистов-высмеивателей человеческой натуры?

«Писатель-человеконенавистник», как называли его многие раньше и называют некоторые теперь. Вот что он пишет в «детской» книжке «Приключения Гулливера»: *«Я попросил показать мне Александра Великого во главе его армии, тотчас после битвы под Арбелой. Александр был приглашен в мою комнату. Я с трудом разбирал его речь, а он, со своей стороны, плохо понимал меня. Он поклялся мне, что не был отравлен, а умер от лихорадки благодаря неумеренному пьянству. Затем я увидел Ганнибала во время его перехода через Альпы, который объявил мне, что у него в лагере не было ни капли уксуса. Я также увидел Цезаря и Брута. При виде Брута я проникся глубоким благоговением: в каждой его черте нетрудно было увидеть самую совершенную добродетель, величайшее беспристрастие и твердость духа, преданнейшую любовь к родине и благожелательность к людям. С большим удовольствием я убедился, что эти оба человека находятся в отличных отношениях друг с другом, а Цезарь откровенно признался мне, что величайшие подвиги, совершенные им в течение жизни, далеко не могут сравниться со славой того, кто отнял у него жизнь».*

Далее: *«Особенно сильное отвращение я почувствовал к новой истории. На самом деле, тщательно рассмотрев людей, которые в течение прошедшего столетия пользовались громкой славой, я понял, в каком заблуждении держат мир продажные писаки, приписывающие величайшие подвиги трусам, мудрые советы дуракам, искренность льстецам, римскую доблесть изменникам отечества, целомудрие содомитам, правдивость доносчикам. Я узнал, сколько невинных превосходных людей было приговорено к смерти или изгнанию, сколько подлецов возводилось на высокие должности, сколько великих поступков на самом деле являлись подлостью и преступлением».*

Какое постепенное нагнетание пессимизма вкупе с плохо скрываемой мизантропией, не правда ли? Оптимисты нас учат красивым мифам, перевирая, приукрашивая и потакая нашим вкусам. Пессимисты же эти мифы развенчивают и открыто глумятся над человеческой натурой, не оставляя нам ничего взамен, кроме «голой» правды, после того как бархатное платье с золотыми позументами было сдернуто и король остался нагим. А автор нам словно восклицает: «Ессе homo!» – «Вот человек!».

А вот что говорил один из братьев Стругацких о писателях-пессимистах и мизантропах: *«Я могу назвать немало хороших писателей-мизантропов. Селин, например. Или Анатоль Франс. Или Кнут Гамсун. Или поздний Чехов. Или мой любимый Салтыков-Щедрин. Ведь мизантропия – это несчастное дитя информированности. И чем дольше ты живешь, чем информированнее становишься, тем более клонит тебя к пессимизму вообще, и к мизантропии в частности».*

Не правда ли, очень интересное замечание? Мизантропия и пессимизм – как несчастное дитя информированности. Знания. Опыта. «Великия знания – великия скорби». «Чем больше познаю мир, тем меньше его люблю».

Но ни Чехов, ни Свифт, ни Гоголь с Зощенко «чистыми» пессимистами не являлись. Обнажая человека, показывая его недостатки и глупости, они всегда давали надежду нам измениться, поумнеть и увидеть действительность в ее реальных цветах. В черном, сером, иногда белом, порой розовом. Оптимисты же заставляют нас все видеть белым и розовым. И никогда черным или серым.

Вы не замечали того, что по-настоящему неглупые люди, люди представляющие из себя что-то, крайне редко бывают смешливы и веселы? Мудрецы прошлого, философы, писатели. Словно свинцовая печать познания и пессимизма ложится на их изборожденное морщинами чело? Здесь не стоит путать талант, врожденную или приобретенную способность изобретать или делать что-то удивительным образом в одной или даже нескольких областях, со знанием, глубоким и всеобъемлющим. Можно замечательным образом разбираться в математике или виртуозно уметь играть на фортепиано и скрипке и, тем не менее, особым умом не отличаться. А можно всю жизнь пасти коз в горах и быть мудрым, как царь Соломон.

Человеческая природа, по крайней мере, в равной степени такая же «черная», как и «белая». И уж совсем редко «розовая». Еще древние греческие философы писали, что в человеке в не меньшей степени замешено дурного и гнусного, чем доброго и прекрасного. И первое проявляется гораздо чаще и всякий раз, как только человек перестает прилагать над собой нравственные и моральные усилия. И реалист, именуемый в народе просто – «пессимист», об этом знает или, по крайней мере, догадывается. А оптимист часто и не подозревает.

В наше время перемен (которое не хуже и не лучше других времен, так как, что лучше, а что хуже – понятия «человеческие» и, следовательно, весьма относительные), когда морально-нравственные ориентиры смещаются, а для некоторых попросту утеряны, на мой субъективный взгляд, и не в разрезе вечности, а с высоты лишь последних нескольких десятилетий, серые и черные тона в человеке преобладают над белыми и розовыми. И, следовательно, проявления так называемого пессимизма у людей прозорливых и думающих явно учащаются.

Скажите, какой розовой надеждой можно наделить себя и ту бабушку, что копошится в мусорном баке у дорогого супермаркета? Какие утешения оптимизмом можно в себе открыть? Какими оптимистичными словами можно «осчастливить» эту старушку без надежды на достойную старость? Не завтра, так через год, одна в своей холодной избе или среди чужих полоумных лиц и фигур какого-нибудь дома престарелых, она, забытая или «иногда вспоминаемая» своими оптимистичными детками, молча умрет, как шелудивая собака в чужом дворе. И лишь явный оптимист останется при своем оптимизме, отогнав от себя дурные противные мысли. «C'est la vie» – как говорят оптимистичные французы.

Где черпать оптимизм для себя и своего ребенка (мужа, жены, родителей, соседа), больного меланомой (раком желудка, СПИДом), когда первая «зеленая» стадия надежды не оправдалась, да и вторая «заканчивается» так же? И что голова лысая, и рвет после каждого приема пищи, и что вокруг непонимание и латентный остракизм? И наше привычное хамство. И наша врожденная черствость души и сердца. А впереди третья, последняя, и ты знаешь, что только под морфий, с трубкой вместо желудка и с ужасными болями и провалами памяти, и с безысходностью и страхом, и так пару лет, с дурацкой оптимистической надеждой на бледном лице. И лишь глупое бормотание оптимиста «Все будет хорошо», хотя ты не дурак, понимаешь: три месяца, от силы – год...

Каким идиотическим оптимизмом дышали мужественные лица инфантеристов и драгун Его Величества Наполеона Бонапарта, идущие кровавым походом на Россию? Какие

оптимистичные картины каждый из них рисовал в своем оптимистичном воображении? Может, красочные картины оторванных ядрами и отрубленных саблями рук и ног? Может, безумные картины вываливающихся внутренностей, раскроенных черепов, выколотых глаз? Может, фатальные картины своей смерти? Нет, эти все идиоты-оптимисты шли на смерть с мыслью о богатстве, славе, любви. Спаслись пессимисты. Из оптимистов же уцелел один из десяти.

Говорят, история человечества – история войн. Разумное человечество существует несколько десятков тысячелетий. И все это время это разумно-безумное человечество, не прекращая, воюет само с собой. В двадцатом веке человек приблизился вплотную к той грани, за которой – небытие всего рода человеческого. Человек, несмотря на свои умственные способности, которыми он так гордится, на весь технический и научный прогресс, не научился мирно разрешать свои проблемы. И, тем не менее, оптимисты питают надежды.

У оптимиста в человеке все прекрасно: и душа, и одежда, и поступки. И хорош человек просто сам по себе. Просто, потому что он есть, и такой, какой есть. Оптимисты – неопытные дети. Но ведь детство – всего лишь пятая часть жизни, и нельзя всегда оставаться ребенком.

Все дело в том, что истинное положение вещей, если уж не пессимистичное, то и не оптимистичное. Но, как правило, не такое интересное и захватывающее, как наше оптимистическое воображение рисовало его нам. Вгрызаясь в сочное мясо, собака всегда натывается на кость. Достигнув самой высокой вершины, находишь такие же серые камни, что и у ее подножья. Докопавшись до сути вещей, в конце всегда разочаровываешься.

Неизвестный путь всегда бесконечен в начале. А в конце он оказывается лишь короткой тропой. И похоже, что оптимистам только предстоит преодолеть его. А пессимисты уже прошли его, и все о нем знают.

Пессимизм порождает приобретенным знанием и горьким опытом. Оптимизм питаем многообещающей надеждой и наивным неведением. А между ними рациональный реализм, что идет по этому пути, и впечатления его свежи и, как ни у кого, верны.

Мне же лично ближе «aurea mediocritas» – «золотая середина», о которой писал Гораций, или как говорят французы «juste milieu», «справедливая середина». То есть, тот здравый реализм, который находится между крайним черным пессимизмом и крайним розовым оптимизмом. Та здоровая кондиция, находящаяся ближе всего к истине. Именно реализм дает сухую непредвзятую оценку всему происходящему, в то же время предоставляя надежду на неповторение «оптимистических» ошибок прошлого в будущем.

Автор - Игорь Ткачев

[Источник](#)